

Все равно, где мы ни причалили —
К островам ли сиреневых птиц,
К мысу ль радости, и скалам печали ли,
Не поднять нам усталых ресниц.
Александр ВЕРТИНСКИЙ.

В Москве вдруг похолодало. Я бежал по морозцу к Анастасии Вертинской и думал, что она учтиво предложит чаю, а я разыграю ее, изобразив ворчливого критика: «Некогда мне с вами чай распивать, бегу еще по пяти адресам». Анастасия Александровна сама открыла дверь, тут же предложила чаю с изумительным вишневым вареньем, но розыгрыш мой не удался. Мы сразу же стали обсуждать «утку» в одной столичной газете, написавшей, что Анастасия Вертинская купила три платья, по три тысячи долларов каждое, у «Нины Риччи». Посмеялись, представив, что еще можно купить за эту сумму, погоревали, что журналисты перепутали ее с сестрой Марианной, которая действительно купила платье, но не за три тысячи, а за двести долларов, и не сама, а ее муж-иностранец. Кстати, когда Анастасия Вертинская стала звонить в редакцию, оказалось, что на том конце провода никто и не знал, что их две. Пока мы обсуждали эти животрепещущие подробности, мне вспомнились слова Льва Толстого, адресованные княгине Волконской и так подходящие Анастасии Вертинской, когда-то исполнившей роль «маленькой княгини» в фильме «Война и мир»: «la femme la plus séduisante» (самая обворожительная женщина). Так захотелось просто поболтать, чуть-чуть поухаживать.

— Анастасия Александровна, прошел год, в течение которого вам хотелось создать благотворительный фонд вспомоществования русским актерам. Хотелось быть милосердной не на словах, а на деле. Что удалось?

— Успехов никаких. К моему удивлению, единственный человек, который протянул мне руку помощи, был уходящий ныне с поста министра культуры СССР Николай Николаевич Губенко. Когда я обратилась к Юрию Соломину, он выказал полное равнодушие, отправив меня в другие кабинеты, где я была вынуждена объясняться с какими-то болванами. Губенко сразу же взял меня за руку и отвел к Лужкову. Поначалу Лужков обнадежил, улыбаясь и радуясь появлению нового дела. Потом все сошло на нет. Нам нужно помещение с залом, с местом для актерской биржи. Исполнительная власть города собирает эти помещения очень дорого продавать. У нас было множество планов, всех не расскажешь. Кончилось тем, что Губенко получил записку о продаже зданий за валюту тем, кто больше этой валюты даст (независимо от того, что покупатель будет делать с

Конечно, я понимаю, что, если жизнь улучшится, я все равно не стану той самой шестнадцатилетней девочкой, снимавшейся в «Человеке-амфибии». Я осознаю, что мне не так уж долго осталось выходить на экран и сцену. Но я надеюсь, что Россия, Родина даст мне возможность еще что-то принести в искусство.

— У вашего сына те же чувства? Он тоже надеется?

— Они странные, эти дети. Сын не любит смотреть программы новостей. Ничего не ждет. Это мы еще чего-то ждем. Услышим слово и верим: вот сейчас что-то изменится. Они живут, как будто бы политики не существует.

— Вы еще и дочь. Мы все в долгу перед Александром Николаевичем, но для вас память об отце особенно важна...

— Хотелось бы создать в память о нем центр культуры, но после неудачной попытки организовать фонд актеров я за это не возьмусь. Нужны деньги, а найти в стране порядочные деньги невозможно. Все они грязные. Волей-неволей связываешься с людьми, которые не любят культуру, а хотят выгоды. Я не могу даже сделать мемориальную доску на доме, где жил Вертинский. Опытные люди говорят, что это зависит от интенсивности и наглости поведения родственников. Мы считаем это неприличным, мы в долгу у отца, но и общество в долгу перед теми, кто создает его духовные ценности. Мы с мамой и сестрой счастливы, что в Париже выпускаем альбом отреставрированных особым способом записей песен отца. То, что никогда не сделала Советская власть на Родине, делает Европа, которой отец также принадлежит. Он долго жил и пел в Европе. У нас о нем почти не было публикаций, долгие годы молчало телевидение, хотя куда бы он ни приезжал на гастроли, везде — успех, залы ломились. Афиш не вывешивали, потому

● Анастасия и Марианна Вертинские с отцом Александром Николаевичем.

сантов. Во главе театра не может стоять режиссер — человек искусства. Это должен быть коммерсант — не тот, кто вместо тебя покажет американский фильм, а тот, кто понимает тебя и покажет так и тогда, где и когда ты будешь иметь успех.

— Мне кажется, что и в этом случае успех маловероятен. Упала культура зрителя, театр стал ему неинтересен.

— Нет. Если бы сейчас Стрелер поставил спектакль с актерами, которых бы выбрал сам, — это была бы «бомба» сезона. Я уверена. Стрелер или Брук... Проблем много, но поднять театр на должный уровень можно.

— Вернемся к кино. Вы замечательно сыграли в фильме Андрея Харитонов «Жажда страсти». От других предложений, как я понял, пока отказываетесь. Вам не страшно? Что дает уверенность в дальнейшем благополучном существовании?

— Я преподаю на Западе. У нас с Александром Калягиным школа драматического искусства. Учим играть, и прежде всего Чехова.

— Здесь не пытались преподавать?

— Это невозможно. Нет такой профессии. Преподаватель получает много меньше, чем уборщица. Отсюда и отношение студентов. Там, на Западе, студенты смотрят нам в рот. В Швейцарии они просили ректора школы, где мы преподаем, на время наших занятий отменить другие. Работаем без выходных по многу часов в день. И дело не только в оплате труда, прежде всего радуешься отношению к искусству, к себе как к профессионалу.

Студент в Европе, Америке, если станет актером, может быть, станет звездой и выиграет удивительную

САМАЯ ОБВОРОЖИТЕЛЬНАЯ

этим зданием, даже имеющим историческую ценность). Похоже, московским властям судьба русской культуры безразлична.

— У вас ощущение, что новые власти не заботятся о культуре?

— Знаете, у меня такое мнение не только о правительстве и властях. Никому вообще культура не нужна. Выяснилось, что и в самом искусстве можно работать, не имея никакой культуры, ничего не зная. Культура необходима только для того, чтобы вздохнуть по ней.

— На вопросы журналистов о возможности эмиграции вы обычно говорите о своих патриотических чувствах. Что дает вам силы и сейчас оставаться здесь и любить Родину?

— С годами я стала понимать, что не все вопросы имеют ответы. Можно расщеплять чувства до бесконечности, но не приблизиться к их истинной сути. Действительно, жить все тяжелее и тяжелее. Причем не только потому, что еды все меньше и меньше. Тяжело жить от этой сгущающейся деградации. Не менее трудно жить на Западе. Не менее трудно!

— Особенно нам — русским?

— Конечно. Я это очень хорошо знаю по биографии моего отца. Я понимаю Ростроповича, который приехал в опасные дни августовского путча в Москву, потому что там он никогда не пережил бы того чувства сопричастности, которое испытал здесь. Какая-то невыразимая, неизъяснимая общая боль привязала нас к этому месту. Есть надежда. Надежда — это не значит — много. Иногда это очень мало. Чаще всего надежда — это совсем чуть-чуть. Но если человек хоть сколько-нибудь надеется, хоть немножко верит, он никуда не уедет. Где бы он ни жил, эта надежда притягивает его домой. Не блага, не материальный достаток, не какая-то иная культура, а надежда зовет домой. В слове «надежда» очень многое.

что администраторы боялись, что поклонники разнесут зал. У меня много дел в России. Я хочу оставить память о Вертинском, надо добиться, чтобы был открыт музей-квартира в доме, где он жил. Этот дом, увы, сейчас нельзя приватизировать, так как приватизация остановлена. В этих бесконечных проблемах увязает. Наверное, проще было бы сделать европейский международный центр, но отсюда не вывезешь кусочек его Москвы, его кабинет. Я все же надеюсь, что еще что-то смогу здесь. Хотя сейчас никто не испытывает энтузиазма — ни Союз театральных деятелей, ни правительство. Несмотря на это, я уверена, что Вертинский доживет до тех времен, когда какой-нибудь союз поставит ему памятник.

— Да, «человеков» с ружьем, гранатами, камнями, рельсами и другим «орудием пролетариата» понаставили по всей Москве. На это средств хватало, а Вертинскому, как и многим другим, кто составляет славу Отечества, памятника нет. Можно еще о другом? Вы собираетесь возвращаться в следующем году в театр?

— Нет. Это был бы шаг назад. Очевидно, что театру нужна глубочайшая реформа, которая не может идти по назначению сверху. Может, появится какой-то пришелец, который изменит театр?

— Форма не теряется?

— Если речь идет о внешней форме, думаю, я ее не потеряла. Если о внутренней, то это вопрос принципиальный. Ее легче всего потерять в рутинном театре, утрачивая критерии того, что делаешь. Театр не занимается развитием творческой индивидуальности.

— Вы сейчас и снимаетесь мало?

— Я никогда не снималась много, только в ранней молодости, когда возло на экранизацию классики.

— В театре ведь тоже ставят классику.

— Там занимаются чем угодно, только не актером. В этом беда репертуарного театра. А контрактный сейчас невозможен. У нас нет театрального Бродвея. Бродвей не улица, а рынок. У нас нет и настоящих, чувствующих рынок театральных коммер-

жизнь. У нас же, если ты становишься актером и даже звездой, кроме внимания людей, ничего не приобретаешь.

— А внимание прессы? А плата за три тысячи долларов? Мало разве?

— Это только и остается.

— Чехова в мире по-прежнему любят?

— Очень. Знают и любят.

— Анастасия Александровна, я видел, наверное, все фильмы с вашим участием и многие театральные постановки. Кроме того, общаясь с вами, вынес впечатление, что вы абсолютно внутренне спокойны и свободны. Это так?

— Смотря что вы подразумеваете под спокойствием.

— Нет суеты. Вы не нервничаете из-за пустяков.

— Никогда. Я никогда не суетусь, потому что боюсь, от содержания слишком зависит форма. Разрушать себя изнутри — значит разрушить себя и снаружи. Нужно благодарить судьбу и ограждать себя от отрицательных эмоций. Я очень ранимый человек, поэтому берегусь. Признаюсь, что выключаю телевизор, когда показывают убитых или голодных детей. Выключаю не от равнодушия или жестокосердия, нет. Напротив, от невыносимых страданий.

— Есть ли ощущение, что в новом году надо собираться с силами, призывать на помощь мужество, не ожидать счастья?

— Я не жду несчастий, всегда верю в лучшее. Все дается во благо, даже страдания.

К мысу ль радости, и скалам печали ли,
К островам ли сиреневых птиц,
Все равно, где мы ни причалили,
Не поднять нам усталых ресниц.

Александр ВЕРТИНСКИЙ.

Беседу вел
Вадим МИХАЛЕВ.